

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...

Строка Бориса Пастернака возникает в памяти при чтении стихов Алены Щербаковой, собранных в первую книгу — "Хранитель шагов".

Алена шла к этой книге несколько лет, имея уже опыт публикаций в журналах, в частности, в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" чуть ли не впервые появились страницы с ее стихами, опыт поэтических фестивалей, полученного там признания и прочих, не менее приятных свидетельств замеченного появления поэта в русскоязычной поэзии Украины. А можно сказать проще и яснее — в русской поэзии.

Кроме этого, в творческой биографии молодого поэта немалую роль сыграло образование, за ее плечами Одесское художественное училище и факультет романогерманской филологии Одесско-

го университета. Первое ее природному дару стихосложения добавило пластическую выразительность и красочное восприятие мира, второе — на фоне усвоенного иного языка обострило интонационное и смысловое звучание родной речи.

Читая стихи Алены Щербаковой, собранные в книгу, на первый взгляд, погружаешься в простор исторических ассоциаций, литературных переключек, аллегорий, подтекстов, музыкальных метафор. Но, как мне кажется, это только на первый взгляд. Чуткий к поэзии читатель от стихотворения к стихотворению почувствует, что этот "громокипящий кубок", или точнее, этот клубок разноцветных, разнофактурных нитей, этот сжатый в комок пласт исторических "глин" — есть ткань, есть материя, которую пластично, осязаемое тклет, лепит

Алена Щербакова, — ткань своего времени, духовную, эмоциональную материю возраста своего и своего поколения, юность которого пришлась не на "время больших ожиданий", а на апокалиптическое "время перемен".

Стихи Алены Щербаковой наполнены этим "шумом времени", нашего времени, а исторические образы и метафоры для нее не дань учености и образованности, а такие же свои, близкие, в границах которых ей так интересно и понятно, как будто связующая нить времен для нее никогда не прерывалась.

Читателю, естественно, придется потрудиться интеллектуально, расшифровывая этот прошедший по стихам Алены "загадки таинственный ноготь", но удовольствие от этого не станет меньше. Проникая в плоть

стиха Щербаковой, то почти невесомую, акварельную, то густо замешанную на символах, исторических криптограммах, в эту максималистскую насыщенность лексических построений, иногда преодолевая все это не без труда, читатель, тем не менее, слышит чистый проникновенный голос поэта. Сама Алена Щербакова признается: "Перевести же меня можно только на один язык — Любовь". И с автором можно согласиться.

В одном из стихотворений Алена обращается к древней мудрости: "Пройдет и это".

Конечно, к сожалению или к счастью, пройдет возраст, когда "слагаются стихи навзрыд", придет время, когда "нельзя не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту".

У Алены Щербаковой выходит

только первая книга. У нее еще все впереди.

Говоря о русской поэзии, можно перефразировать название повести Светланы Алексиевич "У войны не женское лицо". У русской поэзии девятнадцатого века тоже было "не женское лицо", если не считать таковым Каролину Павлову, Анну Бунину или Евдокию Ростопчину, ведь все названные поэтессы внесли и свою посильную лепту в русскую словесность. Другое дело — век двадцатый, упразднивший слово "поэтесса", тем самым признав несостоятельным в поэзии состязание по гендерному признаку. Век двадцать первый эту эстафету принял... И на пути русской поэзии нынешнего века, надеюсь, не затеряется "женское лицо" поэта Алены Щербаковой.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Анастасия МАМОНТЕНКО

ТРИ НЕБА

Весна вышла за середину. Огромный город, напоминающий каменный мешок, широкие улицы, многоэтажки. Гигантские небоскребы похожи на огромные баобабы. В этом городе редко произносится слово "тишина". Многочисленные прохожие куда-то спешат — у них масса дел, они не позволяют себе остановиться, оглянуться и восхититься ярким голубым небом с немногочисленными застывшими облаками. И все они уверены, что чудеса бывают только в книгах и кинофильмах, а в реальной жизни они, к сожалению, никогда не случаются. К тому же ученые, как всегда, все могут объяснить с научной точки зрения. Допустим, что случается с солнцем. Но большинству из нас эти их научные объяснения до лампочки, ведь когда ярко светит солнце, у нас на душе становится светлее, а вот небо, покрывшееся тучами, означает, что вот-вот пойдет дождь. И его первые капли весело прозвенят по асфальту какую-то удивительную мелодию.

На городских клумбах весной расцветают самые разные цветы. Самые разные, но все они прекрасны. За ними ухаживают, как за совсем маленькими детьми. Цветы, кажется, шепчутся, чтобы мы обязательно на них посмотрели. Но облака на небе не переговариваются между собой, вот у нас и нет времени на них посмотреть. Мы часто забываем, что на самом деле каждому из нас подарено две жизни: на земле и на небе.

В моем огромном городе живет старик, не привыкший к роскоши, да она ему и не нужна. Этот славный старик пишет книги, а потом их печатают, и они легко находят своих читателей-почитателей. Жаль только, что старика уже начата тяготить долгая жизнь, потому что она слишком большим грузом легла на его плечи.

Вечерами старик бродит по городским улицам и переулкам, где он помнит все камни мостовой. Вот в этом баре он с друзьями пил пиво и обсуждал свою первую книгу. А вот дом, где когда-то жил его самый лучший друг. Совсем недалеко от этого дома находится маленький парк, а в самом его начале скамейка, где они когда-то сидели с его женой, вернее, тогда она была не женой, а девушкой, с которой он время от времени встречался. В этом парке он попросил девушку стать его женой, а ее глаза стали еще нежнее и красивее, и он сразу же почувствовал, что она согласится, что и случилось. Несколько лет назад его жена умерла, и он остался совсем один, потому что детей у них не было. Сердце его опустело. Он перестал ходить в гости к приятелям и никого не приглашал к себе.

Сейчас он в одиночестве сидит под фонарем, струящим на его лицо свой свет, по его сморщенным щекам текут слезы. Ему не хочется, как Фаусту, вернуть себе молодость, потому что его память хранит красоту поздней осени, звуки прибора, ночные звезды, которые выстраиваются в шеренги, а затем распадаются. Он давно уже перестал на кого-то обижать-

ся, но одна обида осталась. Только на кого она? Он с ранней юности собирал книги, у него много интересных изданий, но они его уже не интересуют — стоят мертвым грузом на полках в его кабинете.

Медленно старый писатель идет к себе домой. Швейцар предупредительно раскрывает перед ним дверь. Лифт поднимает его на самый верхний этаж. В его доме больше ста этажей, но лифт преодолевает их быстро и бесшумно.

Старик пьет чай, включает и сразу же выключает телевизор. Он ложится на диван и проваливается в сон. И в этом сне почти сразу же появляется маленькая девочка в белом шелковом платье с изумительно красивым подолом, расшитым золотом и серебром. А на ее голове веночек из лилий. Эта девочка нежно ему улыбается и просит: "Посмотри на небо. Оно такое прекрасное. Просто замечательное. Вспомни, пожалуйста, что у тебя есть три неба, и ты можешь выбрать себе одно из них. Когда ты сделаешь свой выбор, я прилечу за тобой".

Впервые за тридцать лет старик, прихрамывая и спотыкаясь, поднимается на крышу. Ему там совсем не страшно. Утреннее небо светло-голубое. Наверное, думает он, оно напоминает горный хрусталь, а как оно искрится и переливается... И ему захотелось нарисовать это небо.

Он вернулся к себе. Его жена увлекалась живописью, а он только писал о художниках, но никогда кистью к холсту не прикасался. Он достал холст, натянутый на подрамник, нашел краски и кисти, оставшиеся от жены. Первый мазок по холсту был робким и неуверенным. Но он продолжал наносить на холст голубую краску, затем более светлую голубую. И небо ожило на его холсте.

Потом старик пообедал и вновь поднялся на крышу. На этот раз небо показалось ему еще более ярким и каким-то праздничным. И по нему бежали облака, пушистые, похожие на овечек. Старый писатель решил дожидаться заката. И когда закат наступил, небесная голубизна покрылась розово-персиковой пеленой. Теперь небесная гладь состояла из оранжевых, фиолетовых, красных и желтых волн. А еще ему показалось, что нежно-розовые облака обволокла гранатовая сетка. И тогда его сердце застучало, как часы, свободно и радостно. Это небо было ярким и веселым, как его первое стихотворение, напечатанное в газете. Сколько тогда в нем было радости и гордости!

Третий раз старик поднялся на крышу уже ночью. Он боялся, что увидит черное небо, но, слава Богу, этого не случилось: небо было усыпано маленькими яркими звездами, излучавшими живой свет. И ярче всех, словно фонарик, сверкал Марс, а чуть поспокойней две Медведицы — Маленькая и Большая.

Старик долго смотрел на небо. Он уже сделал свой выбор. И на его глазах выступили слезы, почти такие же по размеру, как крохотные звезды-точки на небе. И его душа воспарила в свой последний путь — в это самое необыкновенное ночное небо. А рядом, как ему показалось, летела маленькая девочка в нарядном платье с серебристым подолом, а крылья у нее были такими же пушистыми, как облака.

— Так-так, а он? — Нина изображает интерес.

— Он сел в угол в плетеное кресло и весь вечер не спускал с тебя глаз, его голова выслеживала тебя, как радарная установка. Квадратное лицо, черные тучи под глазами, волосы, как железная щетка, на лбу пасется стая морщин. К тому же Франкенштейн сверкал глазами. Мне было понастоящему страшно! Я видела как наяву: вы выходите за ворота нашей дачи, заворачиваете за угол, и он тут же отъезжает от тебя самый вкусный кусочек. Откуда-нибудь с попы! Сама-то не боялась? — не унимаюсь я.

— Ты же знаешь эту историю, — Нинин вынимает с далекой полки памяти свою романтическую сагу, — я только приехала в Одессу. Первый раз. Он вылезал быть моим гидом. Сказал, что можно остановиться у него. Что у него есть раскладушка! Мне было двадцать лет, поэтому раскладушка не понадобилась. Я увидела Одессу — и влюбилась. И в Одессу, и в Леву. А потом я поняла, что он — гений.

— Ты и сейчас так считаешь?

— Конечно, он гений.

— Ты не пыталась его найти? — спрашиваю я.

— Пыталась, — отвечает Нина низким голосом.

— И что?

Еще не ушел из города снег,
Не вытек водой

из каменных глаз...

Но век его здесь —

как бабочки век —

Полет на три дня и таянье —

с час...

Ему бы лепить сиянье и мощь,

Смелые и легкие его чертежи...

Но он, словно вор,

исчезнет за ночь —

Лови — не лови,

держи — не держи...

Но хрупкость его, его красота

Кольнут невзначай

прохладной иглой...

Опять — не схватить,

опять — не хватать

Нам будет — шагов,

мерцанья его...

2009

Как искренен туман —

Неспешный и неяркий —

2009

Он кутает платан,

Он обживает арки...

Он прячет в свой мешок —

Любую мелочевку...

И кажется Большой

Медведицей — "хрущевка".

Среди его тенет —

Как рыбки — одиноки —

Плывем... А нам в ответ —

Наброски и намеки...

Опять стихаю под ладонью

Седой, заснеженной зимы,

И колокола звон бездонный

(И звон далекий и бездонный)

Мерцает,

как фонарь среди тьмы...

И то, чем сердце он окликнет, —

Не объяснить и не назвать...

И только ночь к душе прикликнет,

Как желтоглазая сова...

2010

Янина ЖЕЛТОН

НИНА И ФРАНКЕНШТЕЙН

— И что ты в нем нашла? — спрашиваю я Нинин.

— В ком?

— В твоём Франкенштейне.

Нинин хихикает. Мы сидим в "Компоте" на Дерибасовской, у нас вечер воспоминаний. У Нинин совсем короткая стрижка, только несколько кудряшек крутятся во все стороны на манер пружинок-антенн. Глаза в свете фонарей смотрят озорно. Она собралась куда-то ехать, но пока не говорит, куда. Франкенштейном я называю ее первую одесскую любовь, Леву Штейна.

— Когда я увидела вас вместе, просто онемела. Повесть не могла, что этот монстр задрал такую красотку, как Нина! — углубляюсь в прошлое я.

— И какой я была? — Нина подпирает кулаком острый подбородок и замирает — хочет слушать.

— Ты была совсем юная, выгоревшие волосы облаком на плечах, открытая спина. Слушай, ты была почти без одежды, цветочные лепестки и загар — и весь костюмчик. Время от времени ты обхватывала его шею своей тоненькой ручкой.

— Еще более мрачный, седой, огромные круги под глазами. Тебе бы не понравился.

— И вы переписываетесь в каком-нибудь Фейсбуке, и он заваливает тебя письмами? — начинаю догадываться я. В этот момент кудряшки-антенны Нинин замирают, уставившись прямо на меня.

— Он зовет меня в Хаيفу.

— По Интернету?

— По Интернету.

— Боже, я теряю подругу! Ты уезжаешь к Франкенштейну?!

— Я лечу в Израиль. По странному стечению обстоятельств, мы одновременно свободны. Дети выросли. Времени на раздумья нет. Такого шанса может не повториться.

Передо мной сидела и размахивала руками прожженная авантюристка Нинин. Сияющая и великолепная.

— Ты же помнишь мой девиз? — спрашивает Нинин.

— Как его забыть! — отвечаю я.

И мы вопим хором, пугая официантов и перебивая звон посуды: "Увидишь любимого из окна трамвая — выпрыгивай! Предлагают — соглашайся".